

Тихомиров П. В. Шопенгауэр в переводе Ю. И. Айхенвальда.
[Рец. на:] *Шопенгауэр А.* Полн. собр. соч. / Пер. и ред.
Ю. И. Айхенваль. Изд. м-на Книжное дело. М., 1900.
Вып. 1—2 // Богословский вестник 1900. Т. 3. № 12.
С. 716—724 (2-я пагин.)

II. Шопенгауэръ въ переводѣ Ю. И. Айхенвальда.

(Полное собраніе сочиненій Артура Шопенгауэра. Въ переводѣ и подъ редакціей Ю. И. Айхенвальда. Изданіе магазина „Книжное дѣло“. Москва 1900 г. Выпуски I—II).

Философія Шопенгауэра и въ Западной Европѣ и у насъ въ Россіи привлекаетъ къ себѣ громадное вниманіе какъ специалистовъ-философовъ, такъ и вообще образованныхъ людей. Объ этомъ свидѣтельствуетъ обширная и съ каждымъ годомъ все болѣе возрастающая литература, посвященная этому мыслителю, и выясненію его воззрѣній. Такой успѣхъ исполнѣ понятенъ, потому что Шопенгауэръ не только занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ среди классиковъ философіи, но и обладаетъ многими несравненными достоинствами, какъ писатель вообще. Его творенія съ чисто литературной точки зрѣнія принадлежатъ къ безсмертнымъ образцамъ человѣческаго слова. А чрезвычайное разнообразіе ихъ содержанія, обширный кругъ затрогиваемыхъ ими вопросовъ и интересовъ дѣлаютъ знакомство съ этимъ мыслителемъ положительно необходимымъ для всякаго образованнаго человѣка. И дѣйствительно, среди современной интеллигенціи уже трудно встрѣтить людей, совершенно незнакомыхъ съ Шопенгауэромъ. Его своеобразная психологія, гносеологія, метафизика и этика, его пессимизмъ, его любопытныя эстетическія воззрѣнія, наконецъ, въ изобиліи разсѣянныя въ его „Парергахъ и паралипоменахъ“ глубоко-мысленныя жизненныя наблюденія, ядовитыя сарказмы, мѣткія характеристики и перлы остроумія создали ему чрезвычайно обширный кругъ читателей и почитателей.

Вполнѣ естественно, что и на русскомъ языкѣ давно уже стали появляться разные переводы отдѣльныхъ сочиненій Шопенгауэра. Переводы эти быстро расходились и вообще очень хорошо встрѣчались русской читающей публикой. Напримѣръ, „Міръ, какъ воля и представленіе“, въ переводѣ Фета, выдержалъ четыре изданія. Но доселѣ изъ этихъ переводовъ нельзя всетаки было составить полнаго собранія сочиненій знаменитаго философа. Да и самые переводы, сдѣланные различными лицами, были, по справедливому замѣчанію Ю. И. Айхенвальда, „качественно-неоднородны“ (Предисл. пер., стр. V), т. е. одни лучше, другіе хуже, одни ближе къ подлиннику, другіе дальше; затѣмъ самые обороты рѣчи и терминологія Шопенгауэра передавались въ разныхъ переводахъ не всегда одинаково; наконецъ, художественныя достоинства Шопенгауэрова изложенія въ различныхъ переводахъ передавались съ весьма различной степенью совершенства, — начиная отъ полнаго игнорированія этой художественности и кончая попытками приблизиться къ ея воспроизведенію. Всѣ эти обстоятельства дѣлали совершенно необходимымъ изданіе *полнаго* собранія сочиненій Шопенгауэра, на русскомъ языкѣ, выполненнаго *однимъ* лицомъ или подъ его редакціей, и при томъ, дающаго, по возможности, точное понятіе о *литературныхъ достоинствахъ* оригинала. И надо только удивляться, почему доселѣ это не было сдѣлано. Но теперь наконецъ эта потребность удовлетворяется переводомъ Ю. И. Айхенвальда. Самъ переводчикъ претендуетъ на исполненіе только двухъ первыхъ задачъ, скромно прибавляя: „имѣеть-ли этотъ новый переводъ, кромѣ единства исполненія, и другія, еще болѣе важныя достоинства, — объ этомъ несомнѣнно выскажется свѣдущая критика“ (тамъ-же). Но мы можемъ, не колеблясь, сказать, что новый переводъ имѣеть и многія другія достоинства хорошаго перевода; — въ частности, по своему языку онъ болѣе другихъ переводовъ удачно воспроизводитъ изящество и силу Шопенгауэровскаго стиля.

Достиженіе послѣдней цѣли, — на нашъ взглядъ, весьма существенной, — требовало отъ переводчика особеннаго искусства. Извѣстно, что буквальная точность и изящество перевода часто находятся въ обратно-пропорціональномъ отношеніи другъ къ другу. Хорошій переводчикъ долженъ

умѣть въ возможной степени удовлетворить оба требованія. Для этого ему, конечно, нужны большая находчивость и тонкое знаніе оттѣнковъ своего языка; и иногда отъ него требуется большой тактъ, состоящій въ томъ, чтобы во время и кстати пожертвовать нѣсколько буквализмомъ въ пользу изящнаго стиля или—наоборотъ. Ю. И. Айхенвальдь, по нашему мнѣнію, въ высокой степени обладаетъ этими качествами хорошаго переводчика. Уже его предисловіе показываетъ, какъ вѣрно онъ понималъ свои задачи и какой правильный путь онъ избралъ для ихъ разрѣшенія. Вотъ что читаемъ мы въ этомъ предисловіи: „Въ своихъ *Senilia* Шопенгауэръ заранѣе шлетъ свое проклятіе тому, кто, перепечатывая его произведенія, сознательно измѣнитъ въ нихъ что-нибудь, — хотя-бы одинъ періодъ, слово, слогъ, букву или знакъ препинанія. Разумѣется, къ переводу своихъ сочиненій на чужой языкъ гениальный брызга не могъ - бы предъявить такого - же неисполнимаго требованія. По его собственнымъ словамъ, даже лучший переводъ лишь въ такой степени походить на оригиналъ, въ какой транспонированная музыкальная піеса напоминаетъ свой образецъ. И безусловной точности, буквальной передачи художественнаго подлинника читатель въ предлагаемой работѣ не найдетъ. Здѣсь намѣренно допущены такія недалекія отступленія отъ нѣмецкаго текста, которыя не искажаютъ его духа и въ то-же время способствуютъ большей легкости русской рѣчи,—по крайней мѣрѣ, такова была цѣль переводчика. Философскій языкъ Шопенгауэра, безукоризненно-устойчивый, не имѣетъ однако спеціальнаго характера: мы вездѣ встрѣчаемъ не столько термины, сколько живыя слова. Поэтому, при ихъ переводѣ казались дозволительнымъ осторожно и слегка разнообразить ихъ тамъ, гдѣ возникала для этого стилистическая необходимость. Напримѣръ, *Ausschauung* передано *воззрѣніе*, *anschaulich*—*наглядный*; но иногда эти выраженія уступали мѣсто своимъ синонимамъ: *интуиція созерцаніе*, *интуитивный*. Если *Erkenntnisgrund* вообще переводилось *основаніе познанія*, то иной разъ читатель увидитъ это - же понятіе въ болѣе красивой формѣ *основы познанія* или даже просто *основанія*; послѣднее являлось конечно только тамъ гдѣ оно не могло вызвать недоразумѣнія. *Причинность* и (изрѣдка) *каузальность*, *законъ причинно-*

сти и причинный (каузальный) законъ — вотъ еще примѣры указанной варіаціи“ (стр. V—VI).

Кромѣ этого, переводчикъ, по нашему мнѣнію, вполне резонно рѣшилъ всюду слово *Verstand* передавать *разсудокъ*, какъ у насъ принято переводить этотъ терминъ въ Кантовской философіи, а не *умъ*, какъ рекомендовалъ для перевода Шопенгауэра Н. Н. Страховъ. „Кантовское *Verstand*, говоритъ онъ, на русскомъ языкѣ почти всегда передавали словомъ *разсудокъ*. Но такъ какъ Шопенгауэръ въ своей теоріи познанія отступилъ отъ Канта и именемъ *Verstand* назвалъ нѣсколько иную, болѣе широкую способность духа, въ которую своеобразно входитъ и *чувственность* (Sinnlichkeit), то, по инициативѣ Н. Н. Страхова, *Verstand* Шопенгауэра обыкновенно переводятъ *умъ*. Это несомнѣнно имѣетъ свои преимущества; однако, въ предлагаемой работѣ сохранено традиціонное названіе—*разсудокъ*. Вѣдь оба мыслителя обозначаютъ не вполне похожія способности однимъ и тѣмъ-же словомъ,— не удобнѣе-ли поэтому и одинаково переводить ихъ общій терминъ? Читатель привыкъ въ переводахъ Канта отождествлять *Verstand* и *разсудокъ*,—зачѣмъ-же при переходѣ къ Шопенгауэру нарушать это знакомое сочетаніе? Сходство терминовъ не только не воспрепятствуетъ понять разницу по существу, но даже лучше оттъннить ее. Кромѣ того, въ русскомъ словѣ *умъ* содержится скорѣе практической и житейской смыслъ, чѣмъ строго—научный, и означаетъ онъ не какую-нибудь опредѣленную способность, а интеллектъ вообще“ (стр. VI).

Обращаясь къ сличенію перевода съ подлинникомъ, мы дѣйствительно найдемъ, что г. Айхенвальдъ съ замѣчательнымъ искусствомъ умѣлъ удовлетворить обоимъ трудно соединимымъ условіямъ хорошаго перевода — близости къ подлиннику и вѣрной передачѣ художественныхъ достоинствъ оригинала. Особенно это ясно станетъ, если переводъ г. Айхенвальда сравнивать не съ оригиналомъ только, но и съ другими извѣстными у насъ переводами. Въ настоящихъ двухъ выпускахъ мы имѣемъ переводъ двухъ сочиненій Шопенгауэра: „О четвероякомъ корнѣ закона достаточнаго основанія“ и „Міръ, какъ воля и представленіе“ (изъ послѣдняго переведено пока только немного болѣе половины). Оба эти сочиненія существуютъ въ переводѣ А. А. Фета.

Этотъ переводъ имѣетъ свои несомнѣнные достоинства и до послѣдняго времени съ честью исполнялъ свою миссію—знакомить русскую образованную публику съ этими важнѣйшими произведеніями знаменитаго философа; но ни для кого изъ свѣдущихъ людей не составляли секрета и его недостатки, состоящіе главнымъ образомъ въ тяжеловѣсности и нѣкоторой архаичности языка. Если сравнивать переводы г. Айхенвальда съ Фетовскими и оба—съ подлинникомъ, то вполнѣ будетъ ясно что новый переводъ значительно совершеннѣе.

Въ качествѣ примѣра, мы беремъ одно очень красивое мѣсто изъ § 5 сочиненія „Миръ, какъ воля и представленіе“.

Die Welt als Wille und Vorstellung, § 5: Das Leben und die Träume sind Blätter eines und des nämlichen Buches. Das Lesen in Zusammenhang heisst wirkliches Leben. Wann aber die jedesmalige Lesestunde (der Tag) zu Ende und die Erholungszeit gekommen ist, so blättern wir oft noch, müßig und schlagen, ohne Ordnung und Zusammenhang, bald hier, bald dort ein Blatt auf: oft ist es schon gelesenes, oft ein noch unbekanntes, aber immer aus dem selben Buch. So ein einzeln gelesenes Blatt ist zwar ausser Zusammenhang mit der folgerechten Durchlesung: doch steht es hiedurch nicht so gar

Миръ какъ воля и представленіе. Пер. А. А. Фета, стр. 17:

Жизнь и сны суть листы одной и той-же книги. Чтеніе въ связи называется дѣйствительной жизнью. Но каждый разъ, что съ окончаніемъ часовъ чтенія (днемъ) наступаетъ время отдохновенія, мы нерѣдко продолжаемъ праздно перелистывать и раскрываемъ безъ порядка и связи то тамъ, то сямъ страницу: часто это уже читанная, часто еще неизвѣстная, но все изъ той-же книги. Такая отдѣльно читаемая страница дѣйствительно въ связи съ послѣдова-тельнымъ чтеніемъ, но тѣмъ самымъ еще

Миръ какъ воля и представленіе. Пер. Ю. И. Айхенвальда, стр. 18:

Жизнь и сновидѣнія — это страницы одной и той-же книги. Связное чтеніе называется дѣйствительной жизнью. А когда приходитъ къ концу обычный срокъ нашего чтенія (день) и наступаетъ время отдыха, мы часто продолжаемъ еще праздно перелистывать книгу и безъ порядка и связи раскрываемъ ее то на одной, то на другой страницѣ, иногда уже читанной, иногда еще неизвѣстной, но всегда—изъ той-же книги. Такая отдѣльно читаемая страница дѣйствительно нахо-

sehr hinter dieser zurück, wenn man bedenkt, dass auch das Ganze der folgerechten Lectüre ebenso aus dem Stegreife anhebt und endigt und sonach nur als ein größeres einzelnes Blatt anzusehen ist.

Obwohl also die einzelnen Träume vom wirklichen Leben dadurch geschieden sind, dass sie in den Zusammenhang der Erfahrung, welcher durch dasselbe stetig geht, nicht mit eingreifen, und das Erwachen diesen Unterschied bezeichnet; so gehört ja doch eben jeder Zusammenhang der Erfahrung schon dem wirklichen Leben als seine Form an, und der Traum hat ebenso auch einen Zusammenhang in sich dagegen aufzuweisen. Nimmt man nun den Standpunkt der Beurteilung ausserhalb beider an, so findet sich in ihrem Wesen kein bestimmter Unterschied, und man ist genöthigt den Dichtern zuzugeben, dass das Leben ein langer Traum sei.

не слишком далеко отъ него отстала, если сообразить, что и цѣлое въ послѣдовательномъ чтеніи точно такъ же начинается и кончается неожиданно (экспромтомъ) и поэтому можетъ считаться только страницей бѣльшаго объема.

Итакъ, хотя отдѣльные сны отличаются отъ дѣйствительной жизни тѣмъ, что не совпадаютъ въ непрерывную связь опыта, по одной проходящую, и пробужденіе указываетъ на такое различіе; тѣмъ не менѣе связь опыта принадлежитъ дѣйствительной жизни, какъ ея форма, и сонъ въ свою очередь можетъ противопоставить этому свою внутреннюю связь. Если затѣмъ для обсужденія дѣла избрать точку зрѣнія, внѣ ихъ обоихъ находящуюся, то въ существѣ ихъ не представится опредѣленнаго различія, и неизбѣжно согласиться съ по-

дится внѣ связи съ послѣдовательнымъ чтеніемъ; но изъ-за этого она не особенно уступаетъ ему: вѣдь и цѣльное послѣдовательное чтеніе также начинается и кончается внезапно, почему и въ немъ надо видѣть отдѣльную страницу, но только бѣльшаго размѣра.

Итакъ, хотя отдѣльныя сновидѣнія отличаются отъ дѣйствительной жизни тѣмъ, что они не входятъ въ безпрерывно протекающую по ней общую связь опыта, и хотя пробужденіе указываетъ на эту разницу, — тѣмъ не менѣе именно самая связь опыта принадлежитъ дѣйствительной жизни, какъ ея форма, и сновидѣнія въ свою очередь противопоставляютъ ей свою собственную внутреннюю связь. И если стать на точку зрѣнія внѣ жизни и сна, то мы не найдемъ въ ихъ существѣ опредѣленнаго различія

этами, что жизнь— долгий сонъ.	и должны будемъ вмѣстѣ съ поэтами признать, что жизнь —долгое сновидѣніе.
-----------------------------------	--

Надѣмся, что и приведенный примѣръ достаточно показываетъ читателю, знакомому съ нѣмецкимъ языкомъ и способному оцѣнить сравнительныя достоинства русскаго перевода, — почему мы, отнюдь не унижая чрезмѣрно переводовъ А. А. Фета, ставимъ однако значительно выше ихъ переводъ Ю. П. Айхенвальда.

Весьма важнымъ преимуществомъ новаго перевода предъ прежними является, какъ мы уже упоминали, *единство исполненія и полнота содержанія*. Русскіе читатели получаютъ здѣсь *всѣ* сочиненія Шопенгауэра и—въ однообразно хорошемъ переводѣ. Вотъ предположенный порядокъ изданія: I. О четвероякомъ корнѣ закона достаточнаго основанія. II. Міръ какъ воля и представленіе (оба тома, съ приложеніемъ критики кантовской философіи). III. О волѣ въ природѣ. IV. Объ основныя проблемы этики. V. Парерги и параллюмены (оба тома). VI. Новыя параллюмены (максимы и афоризмы). VII. Трактатъ о зрѣніи и цвѣтахъ. VIII. Нѣкоторыя изъ примѣчаній къ Платону, Локку, Канту и послѣ-кантовскимъ философамъ и предисловіе къ предположенному нѣмецкому переводу Юма. IX. Отрывки изъ лекцій по общей философіи. X. Переписка Гете и Шопенгауэра. XI. Стихотворенія Шопенгауэра. XII. Введеніе въ философію вмѣстѣ съ разсужденіями о діалектикѣ и эстетикѣ. XIII. Ручной оракулъ Граціана. XIV. Приложение: Статья переводчика о Шопенгауэрѣ и его философіи. Изданіе будетъ выходить выпусками (числомъ 16), листовъ по 10—12 каждый. Для русской философской литературы это изданіе является весьма цѣннымъ приобрѣтеніемъ, и мы отъ души привѣтствуемъ его.

Какихъ-либо существенныхъ недостатковъ въ переводѣ или изданіи мы не находимъ. Что же касается мелкихъ недочетовъ, то нѣкоторые изъ нихъ—совершенно неизбежны, нѣкоторые являются результатомъ своеобразнаго пониманія переводческой задачи, а иные составляютъ только формальный недосмотръ.

Къ числу неизбежныхъ, или,—по крайней мѣрѣ,—трудно предотвратимыхъ недостатковъ относится сохраненіе цитаций

Шопенгауэра по нѣмецкимъ изданіямъ. Вѣдь задача перевода—замѣнить, по возможности, для не знающихъ нѣмецкаго языка подлинникъ. Понятно, что, въ виду этого, ссылки Шопенгауэра на тѣ или иныя мѣста разныхъ своихъ сочиненій должны-бы были приурочиваться къ страницамъ и порядку томовъ настоящаго русскаго изданія. Между тѣмъ мы встрѣчаемъ, напр., на страницѣ 37 вып. I ссылку на „Критику кантовской философіи, стр. 517—521 второго изданія“, т. е. ссылку на нѣмецкое изданіе. Русскому читателю, чтобы воспользоваться этимъ указаніемъ, необходимо, значитъ, имѣть кромѣ настоящаго перевода и нѣмецкое изданіе. что далеко не для всѣхъ удобно; отказаться-же отъ возможности подыскать цитируемое мѣсто не всякому будетъ пріятно. Подобное-же явленіе нерѣдко и неизбежно повторяется въ другихъ случаяхъ,—напр., на стр. 39. 42. 98. 104 и др. Неудобство и даже, пожалуй, бесполезность подобнаго указанія страницъ нѣмецкихъ изданій сознавать, повидимому, и самъ переводчикъ, потому что иногда онъ его даже и не дѣлаетъ, хотя въ подлинникѣ оно сдѣлано (ср., напр., вып. I, стр. 37). Мы вполне понимаемъ всю неизбежность такой именно цитации и потому воздержимся отъ упрека за нее переводчику: вѣдь для того, чтобы имѣть возможность цитировать страницы русскаго изданія, пришлось-бы держать въ наборѣ I-й выпускъ чуть не цѣлый годъ (пока дошла-бы очередь печатанія до цитируемыхъ мѣстъ). Но мы полагаемъ, что этому злу можно было-бы помочь, помѣщая на каждой страницѣ русскаго изданія нумерацію соотвѣствующихъ страницъ разныхъ нѣмецкихъ изданій. Для переводчика это большого труда не составило-бы: а между тѣмъ тогда не только всѣ ссылки III-ра на самого себя легко могли-бы быть провѣряемы, но его переводомъ можно-бы было съ удобствомъ пользоваться и при чтеніи разныхъ научныхъ трактатовъ о Шопенгауэрѣ, обыкновенно цитирующихъ его по нѣмецкимъ изданіямъ.

Своеобразное пониманіе задачъ перевода сказалось въ томъ, что Ю. П. Айхенвальдъ переводитъ не только нѣмецкій текстъ Шопенгауэра, но нерѣдко и приводимыя у него иноязычныя выдержки: напр., на стр. 98 вып. I переведены съ латинскаго выдержки изъ Цицерона, между тѣмъ какъ въ подлинникѣ онѣ стоятъ безъ перевода; на стр. 15 вып. II

подобнымъ-же образомъ замѣнены переводомъ греческая и англійская выдержки изъ Софокла и Шекспира ¹⁾. Намъ думается, что у русскаго читателя получилось-бы болѣе вѣрное понятіе о литературной фізіономіи Шопенгауэра, если-бы подобныя выдержки сохранялись на своихъ оригинальныхъ языкахъ. Для облегченія-же читателей переводъ можно-бы было присоединять къ оригинальному тексту въ скобкахъ или подъ строкой (какъ, впрочемъ, иногда переводчикъ и дѣйствительно поступаетъ). Эту особенность перевода мы, впрочемъ, и не считаемъ въ собственномъ смыслѣ слова за недостатокъ. Гдѣ нужно, для красоты и выразительности рѣчи, иноязычныя выдержки и цитаты сохранены; а для большинства русскои публики, пожалуй, было-бы и роскошью встрѣчать въ изобиліи латынь, греческій текстъ, англійскій языкъ и т. п.

Наконецъ, относительно собственно изданія мы позволимъ себѣ высказать только одно недоумѣніе. Повидному, каждое новое сочиненіе будетъ образовывать отдѣльную книгу съ собственной нумераціей страницъ. По крайней, мѣрѣ, настоящіе два выпуска подтверждаютъ это предположеніе. Ничего худого въ этомъ, конечно, нѣтъ. Но странно только при этомъ читать въ объявленіи о подпискѣ на изданіе (на задней сторонѣ обложки), что „изданіе составитъ четыре тома:“ вѣдь не будетъ-же въ одномъ томѣ разнотн нумераціи! Правильнѣе было-бы считать 14 томовъ. Это, впрочемъ, такая мелочь, которая рѣшительно никого не затруднитъ.

Въ заключеніе своей замѣтки еще разъ скажемъ спасибо Ю. П. Айхенвальду за предпринятое имъ хорошее дѣло! Мы съ истиннымъ удовольствіемъ читали его прекрасный переводъ. Самъ великій стилистъ Шопенгауэръ, столь ревниво оберегавшій неприкосновенность своего слова, думается, не былъ-бы въ претензіи на такой переводъ, если-бы только могъ читать его и понимать.

П. Тихомировъ.

¹⁾ Въ подлинникѣ эти выдержки сопровождаются переводомъ: греческая—латинскимъ, а англійская—нѣмецкимъ